Б
Нат

Проф. Алексѣй Введенскій.

Пессимизмъ теоріи
и
Оптимизмъ жизни.

Опытъ характеристики міросозерцанія Гартмана въ цѣломъ.

Рѣчь.

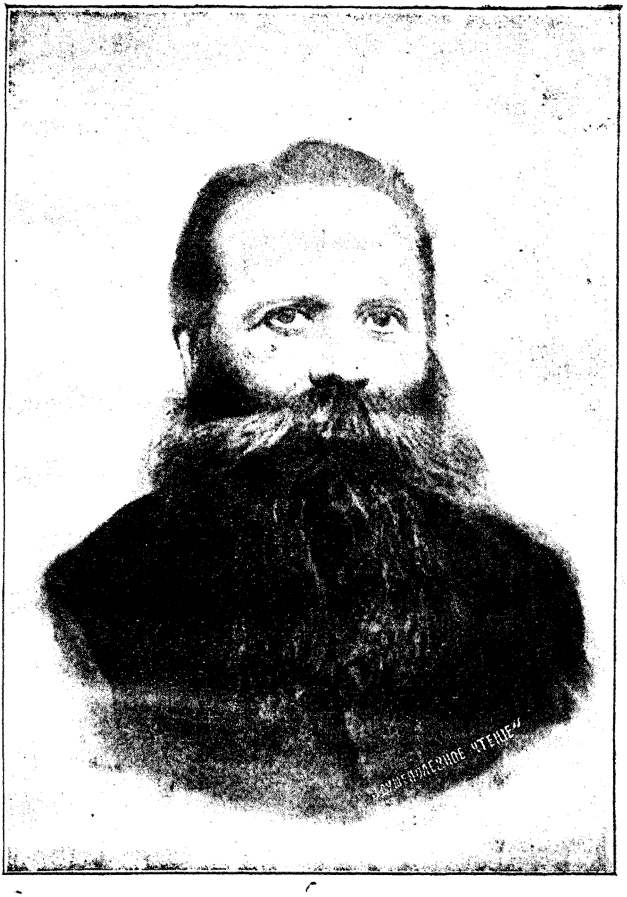
МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

„Гроб 38“

[illegible] 1957

15

[illegible]
[illegible]
[illegible]



Философъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ.

(Род. 11/23 февр. 1842 г., умеръ 25 мая / 6 іюня 1906 г.).

ПЕССИМИЗМЪ ТЕОРІИ И ОПТИМИЗМЪ ЖИЗНИ [1]).

Опытъ характеристики міросозерцанія Гартмана въ цѣломъ.

Когда мнѣ предложено было занять настоящее собраніе соотвѣтствующею бесѣдою, посвященною памяти великаго нѣмецкаго философа, мнѣ отчасти была преднамѣчена и тема бесѣды: было выражено желаніе, чтобы я подѣлился съ моими слушателями личными впечатлѣніями отъ свиданія съ Гартманомъ, котораго мнѣ пришлось видѣть лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Охотно исполняю это желаніе, но съ маленькою предварительною оговоркою,— въ предупрежденіе, быть можетъ, нѣсколько повышенныхъ у кого-нибудь изъ моихъ слушателей ожиданій въ этомъ направленіи. Я видѣлъ философа всего лишь одинъ разъ въ жизни. Судьба мнѣ, правда, благопріятствовала, такъ какъ разразившаяся надъ Гроссъ-Лихтерфельде, близъ Берлина, гдѣ я былъ у Гартмана, въ его собственной виллѣ, гроза какъ бы вынуждала меня продлить свой визитъ нѣсколько дольше того времени, какое я могъ позволить себѣ пробыть у человѣка слишкомъ занятаго, слишкомъ одолѣваемаго посѣтителями и, въ концѣ концовъ, больного. Однако, всеже, повторяю, я видѣлъ его лишь одинъ единственный разъ въ жизни.

[1]) Рѣчь, произнесенная въ Студенческомъ Философскомъ Обществѣ, при Московской Духовной Академіи, въ засѣданіи, посвященномъ памяти Эдуарда фонъ-Гартмана (род. 11/23 февраля 1842 г., умеръ 25 мая/6 іюня 1906 г.).

Этого, конечно, слишкомъ мало, чтобы на все время моего реферата занять теперь ваше вниманіе личными воспоминаніями. И тѣмъ не менѣе я со спокойною совѣстію могу взять, по крайней мѣрѣ, точку отправленія именно здѣсь

Бываютъ встрѣчи, надъ которыми, при всей ихъ краткости и даже иногда мгновенности, какъ бы не властно время,—воистину незабываемыя встрѣчи! Предъ вами разомъ, въ немногихъ словахъ и взглядахъ, развертывается такое богатое духовное содержаніе повстрѣчавшейся вамъ личности, выступаетъ такая духовная мощь и обаяніе, что этого впечатлѣнія усиливать больше уже не нужно. Напротивъ, здѣсь какъ въ фотографическомъ аппаратѣ,—передержишь свѣточувствительную пластинку, и впечатлѣніе уже не улучшается, а ухудшается. Довольно,—впечатлѣніе сдѣлано, снимокъ готовъ и сохранится «на вѣки». Или,—еще сравненіе,—это какъ съ иными, исключительно живописными, ландшафтами: увидишь ихъ разъ, при извѣстномъ, выгодномъ для нихъ освѣщеніи, пробудешь нѣкоторое время подъ ихъ эстетическимъ гипнозомъ, и — довольно! Въ другой разъ лучше не видать того же ландшафта: иначе впечатлѣніе потускнѣетъ и, обвѣянное леденящимъ дыханіемъ повторности, можетъ только ослабѣть...

Таково было и мое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Гартманомъ—повторяю, первой и единственной.

Когда съ карточкой одного изъ моихъ Берлинскихъ друзей, профессора Дёринга, я вошелъ въ скромный, но уютный кабинетъ-салонъ Гартмана, мнѣ навстрѣчу поднялась съ «шезъ-лонга» приземистая, коренастая фигура съ мощною, надо всѣмъ господствующею, головою,—быть можетъ, нѣсколько не пропорціонально большою. Длинные волосы, раскинувшіеся поэтически-небрежно, и еще болѣе волнистая длинная борода, почти безъ слѣдовъ просѣди, хотя Гартману тогда было уже около пятидесяти лѣтъ, довершали впечатлѣніе. Голосъ мягкій и увѣренный, проясщійся въ душу, но—безъ тѣни той поспѣшной любезности, которая всегда бываетъ достаточно подозрительна.

Все уже съ перваго впечатлѣнія невольно располагало въ пользу этого, издали столь страшнаго, «пессимиста и отрицателя». Но особенно приковывалъ къ себѣ блескъ большихъ чудныхъ глазъ, которые, казалось, хотя и съ необыкновеннымъ участіемъ и добротою, но вмѣстѣ какъ бы испытующе, хотятъ проникнуть въ душу незнакомца.... Только Бисмаркъ, по словамъ Нѣмцевъ, обладалъ еще такими глазами. Кто разъ видѣлъ эти глаза, на кого хоть нѣкоторое время струился изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей Философа ихъ ровный и ясный свѣтъ, тому, понятнѣе становилось извѣстное выраженіе Шопенгауера о томъ всеобщемъ «окѣ міра», въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ идей, отражается сосредоточенная дума всѣхъ, «тронутыхъ» метафизическою болѣзнью,—всѣхъ, въ комъ жало «проклятыхъ вопросовъ» нашло уязвимое мѣсто, свой punctum pruriens...

Но вотъ онъ заговорилъ, и въ его рѣчи, вмѣсто отвлеченнаго доктринерства сухого «метафизика», какимъ вы ожидали его встрѣтить, васъ чаруетъ необыкновенная отзывчивость на всѣ и всякіе интересы, не исключая самыхъ обычныхъ житейскихъ. Ничто человѣческое, въ буквальномъ смыслѣ, ему не чуждо. Со скромностію генія, которая еще усиливалась предупредительностію гостепріимнаго хозяина, но вмѣстѣ и съ неистощимымъ запасомъ остроумія, близкаго къ юмору и даже сатирѣ, онъ переходитъ отъ предмета къ предмету, всегда умѣя,—улыбкою или извиняющимъ словомъ, — вывести васъ изъ затрудненія и собщить обсужденію даже острыхъ вопросовъ характеръ непринужденнаго изящества. Но что особенно поражало въ Гартманѣ,—меня, какъ и всѣхъ другихъ собесѣдниковъ,—такъ это неистощимый запасъ его знаній, которыя, рукою хозяина, онъ черпалъ изъ разнообразнѣйшихъ областей. Вопросы научные, художественные, политико-экономическіе,—все это находило въ немъ такого знатока и цѣнителя, для котораго нѣтъ запретной области, который въ буквальномъ смыслѣ стоитъ на высотѣ современ-

наго знанія и даже, такъ сказать, вмѣщаетъ въ себѣ все знаніе своего времени: для меня лично Гартманъ былъ и остается единственною отрицательною инстанціею въ моемъ скептическомъ отношеніи къ универсалистическимъ притязаніямъ философовъ-научниковъ, представителей такъ называемой «научной философіи», которые хотятъ знать все, и вмѣняютъ это въ обязанность себѣ и другимъ философамъ,—Гартманъ, казалось, дѣйствительно знаетъ все... Но само собою понятно, что философъ особенно оживлялся въ тѣ моменты, когда рѣчь покидала горизонтъ злободневнаго и вообще эмпирическаго и обращалась къ вопросамъ собственно философскимъ. Тогда огонь его чудныхъ глазъ загорался особенно ярко, и живой интересъ къ предмету, которымъ онъ былъ проникнутъ, невольно передавался и слушателю....

Конечно, не я первый изъ Русскихъ былъ у Гартмана. Незадолго предо мною былъ у него, наприм., покойный князь С. Н. Трубецкой, о которомъ вспоминалъ Гартманъ. Да и вообще посѣтители изъ Русскихъ, особенно посланныхъ въ ученую командировку, для него были не рѣдкость. Онъ дивился живости научнаго интереса и широтѣ захвата моихъ соотечественниковъ, которые легко берутся за всѣ вопросы и скоро оріентируются въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ онъ видѣлъ, впрочемъ, одно изъ обычныхъ проявленій молодой и жизнеспособной націи, такъ какъ молодость вообще характеризуется рецептивностію. То-же,—говорилъ онъ,—замѣчается, наприм., и у Японцевъ... Тогда, помнится, это сближеніе меня невольно кольнуло и даже достаточно больно. Но я не знаю, что̀ сказалъ бы Гартманъ, продолжая проводить ту же параллель между нами и Японцами, теперь,—теперь, когда мы все еще продолжаемъ оставаться въ состояніи жалкой рецептивности, разбрасыванія и копировки, а тѣ уже сдали экзаменъ на самостоятельно мыслящихъ, по своему живущихъ и дѣйствующихъ людей, и получили блестящій аттестатъ міровой зрѣлости?... Во всякомъ случаѣ, въ

ряду тѣхъ впечатлѣній, которыя съ особенною стойкостію живутъ въ моей душѣ и до сихъ поръ, однимъ изъ наиболѣе значительныхъ остается именно это указаніе на то, что мы находимся все еще въ періодѣ рецептивности, подражательности, разсѣянія и дробности мысли и что, кажется, пора бы уже и намъ подумать объ ея собираніи, о сосредоточеніи своей духовной и, въ частности, философской энергіи, объ ея развитіи и оформленіи по своему собственному духовно-органическому типу,—если такой у насъ найдется, если то-есть и намъ суждено не быть до конца народомъ подражательнымъ, стоящимъ на чужихъ ногахъ и смотрящимъ въ области мысли, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, вѣчно изъ чужихъ рукъ.

Но это — деталь. Возвращусь къ передачѣ моихъ общихъ впечатлѣній.

Меня интересовало, какъ Гартманъ работаетъ и какъ, въ частности, онъ успѣваетъ писать *столько*. Оказалось что, какъ и всѣ люди исключительной талантливости, онъ собственно работаетъ, то-есть пишетъ или диктуетъ, немного: часа два-три въ день,—не больше, но за то много думаетъ, освѣжая себя чтеніемъ или дружескою бесѣдою. Этимъ именно, главнымъ образомъ, обусловлена его чрезвычайная и воистину изумительная работоспособность. Есть пословица: «лѣсъ не боится рабочаго, а боится забочаго». За одинъ разъ всего лѣса не вырубишь, по силы свои надломишь, а понемногу, но регулярно и методично, можно вырубить много. Такъ и въ наукѣ. И Гартманъ въ этомъ отношеніи типичный и поучительнѣйшій примѣръ такъ называемой діэтетики духа. Этимъ именно, по его собственнымъ словамъ, объясняется его, воистину изумительная, философско-литературная продуктивность. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, почти отъ дней юности прикованный къ постели или, по крайней мѣрѣ, вынужденный оставаться въ своемъ кабинетѣ,—Гартману, какъ извѣстно, было всего девятнадцать лѣтъ отъ роду, когда онъ получилъ физичес-

кое поврежденіе, до конца дней лишившее его способности свободнаго передвиженія, — итакъ, говорю, замѣчательно, что человѣкъ, съ ранней юности удрученный тяжелымъ недугомъ, сохранилъ такую изумительную работоспособность и проявилъ такую продуктивность, примѣровъ которой даже и изъ среды, вообще чрезвычайно продуктивныхъ, Нѣмцевъ, можно указать развѣ лишь очень немного. Это можно объяснить только могучею властью духа надъ больнымъ тѣломъ, постоянствомъ и настойчивостію въ трудѣ,—своего рода духовною дисциплиною.

Я знаю еще лишь одно подобное-же проявленіе власти духа надъ немощнымъ тѣломъ, въ исторіи новѣйшей научной жизни Европы, вызывающее не меньшее и не менѣе всеобщее удивленіе. Это — въ исторіи извѣстной Елены Келлеръ, глухонѣмой и вмѣстѣ совершенно слѣпой дѣвушки, которую Маркъ Твэнъ назвалъ «величайшимъ чудомъ» девятнадцатаго столѣтія,—послѣ Наполеона: несмотря на только что указанные свои недостатки, она сумѣла, однакоже, не только сдѣлаться студенткой и достигнуть высоты современной духовной жизни, но—что особенно замѣчательно—даже *оптимисткой*.... Я думаю, что однихъ этихъ фактовъ было бы совершенно достаточно, чтобы опрокинуть всю теорію поверхностнаго матеріализма, дѣлающаго человѣческій духъ узникомъ и рабомъ тѣла. Не рабъ, а воистину царь тотъ, кто наперекоръ всѣмъ внѣшнимъ невзгодамъ такъ властно заявляетъ присущую ему духовно-творческую силу.

Не могу говорить по собственному опыту, но отъ друзей и знакомыхъ Гартмана слыхалъ, тогда же и послѣ,—что, сверхъ трудовъ для печати, Гартманъ отдавалъ много времени и философской перепискѣ. Особенно онъ чувствовалъ себя къ этому какъ бы даже обязаннымъ всякій разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда устный споръ по тѣмъ или другимъ причинамъ оставался незаконченнымъ, а между тѣмъ предъ философомъ выяснялись примирительныя перспек-

тивы или его манила надежда найти новаго философскаго прозелита: тогда Гартманъ садился къ письменному столу и, не щадя ни силъ, ни времени, исписывалъ листокъ за листкомъ, которые и отсылалъ по адресу на слѣдующее утро. Поэтому, каждый, кто вносилъ въ кабинетъ уединеннаго философа, серіозные запросы, непремѣнно выходилъ изъ него обогащеннымъ,—хотя, конечно, и философъ, съ своей стороны, получалъ отъ собесѣдника импульсы духовнаго возбужденія и оставался необѣднѣвшимъ, о чемъ и самъ постоянно говорилъ своимъ собесѣдникамъ. Здѣсь предъ нами характерный случай, такъ сказать, философскаго атавизма: уличныя философскія пренія временъ Сократа и Платона, въ которыхъ былъ такой мастеръ, прежде всего, самъ Аѳинскій мудрецъ, сдѣлались теперь, конечно, уже невозможными, но въ малыхъ масштабахъ и при измѣненныхъ условіяхъ,—не на площади, а въ кабинетахъ философовъ, — они все еще продолжаются и, между прочимъ, по свидѣтельству друзей и знакомыхъ Гартмана, въ скромномъ, но уютномъ «палаццо» въ Гроссъ-Лихтерфельде были въ обычаѣ и даже, такъ сказать, въ модѣ.

Смѣю думать, что, хотя въ передаваемыхъ мною личныхъ впечатлѣніяхъ отъ посѣщенія Гартмана, и нѣтъ чего-либо значительнаго, тѣмъ не менѣе и они уже не лишены интереса, а можетъ быть,—особенно здѣсь, среди труженниковъ, а часто и мучениковъ науки,—не лишены и поучительности. Однако, для меня лично самое поучительное остается еще впереди,—лежитъ не здѣсь, а совсѣмъ въ другой области. Гартманъ былъ, такъ сказать, моею первою философскою любовью, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякая серіозная любовь,—и моею мукою [1]). Меня очень рано, отчасти еще на школьной скамьѣ, заинтересовалъ Гартманъ,—своею столь тогда нашумѣвшею *Философіею Без-*

[1]) Гартману были посвящены мои первыя философскія работы и—между прочимъ—одна изъ такъ называемыхъ „пробныхъ лекцій“: *О религіозной философіи Гартмана* (1887 г.).

сознательнаго, которую я прочиталъ въ изложеніи проф. Козлова. И, конечно, я не могъ не подпасть, съ его стороны, какъ бы своего рода гипнозу: меня увлекала прозрачная діалектика изложенія, оригинальность и содержательность его трактатовъ. Но, съ другой стороны, хорошо вышколенный и твердый въ познаніи догматовъ семинаристъ, конечно, всею душею протестовалъ особенно противъ религіозно-философскихъ эксцесовъ, такъ сказать, Гартмановой философіи. Протестъ этотъ выросъ въ положительную муку, когда—позднѣе—я ознакомился съ сенсаціозными Гартмановскими «Саморазложеніемъ Христіанства» и «Кризисомъ Христіанства въ современномъ богословіи». И вотъ именно это свое юношеское колебаніе между преклоненіемъ предъ *силою* мысли и протестомъ противъ ея *направленія* я и внесъ къ Гартману, когда пришелъ къ нему. Ну, и что же?... Боюсь, что не сумѣю быть вполнѣ точнымъ въ передачѣ моего тогдашняго впечатлѣнія, такъ какъ оно естественно уже преломилось теперь въ моемъ сознаніи черезъ призму позднѣйшей философіи Гартмана. Но твердо запомнилось мнѣ одно, что и тогда уже предъ мною выступили—изъ непосредственнаго размѣна мнѣній,—*какъ бы двѣ души его философіи.* Да, именно *двѣ души*!

Конечно, во всякомъ человѣкѣ живутъ какъ бы двѣ души, какъ, съ художественною точностью, выразилъ это, вслѣдъ за апостоломъ Павломъ, еще Гёте въ Фаустѣ:

Ахъ двѣ души живутъ въ груди моей,
Враждуя вѣчно межъ собою...

Но философы, ищущіе логически-цѣлостнаго міросозерцанія, обыкновенно составляютъ исключеніе изъ этого закона. Гартманъ же, какъ, впрочемъ, и нѣкоторые другіе философы, представлялъ *исключеніе изъ этого исключенія*, то-есть, не смотря на свою философію, онъ не былъ одностороннимъ *монoидеистомъ*, однодумомъ, рабомъ *одной идеи*, но стоялъ также и подъ властью живыхъ

запросовъ и импульсовъ, почему и испытывалъ какъ бы двойное душевное притяженіе. Жизнь одной души въ немъ уходила своими корнями въ пантеистическое прошлое Германской мысли, соками которой питалась и бременемъ которой была подавлена. Но другая душа протестовала, искала иныхъ путей и выходовъ, нащупывала въ исторіи общечеловѣческой мысли пласты и залежи, въ которыя можно было бы положить сѣмена иной философіи, болѣе согласной съ общечеловѣческими идеалами и вѣрованіями. Подъ хаосомъ безсознательнаго и тогда уже въ душѣ философа замѣтно обозначался космосъ сознательнаго, который потомъ, въ его позднѣйшихъ твореніяхъ, все болѣе и болѣе смирялъ неукротимое буйство перваго, хотя—увы!—такъ-таки и не смирилъ окончательно...

Когда теперь, изъ отдаленія и въ перспективѣ, я сопоставляю свое тогдашнее непосредственное впечатлѣніе отъ личности Гартмана и бесѣдъ съ нимъ съ результатами ознакомленія съ его позднѣйшими сочиненіями, то не могу освободиться отъ впечатлѣнія глубокаго трагизма, лежащаго на всей мысли философа, а такъ какъ *мысль* философа, какъ и слова поэта, по извѣстному выраженію: «слова поэта — дѣла поэта», есть уже и его *дѣло*, то и во всемъ дѣлѣ его жизни мнѣ и тогда чувствовалась и теперь чувствуется все таже глубокая трагика.

Мнѣ кажется, что эту трагику Гартмана и другихъ сродныхъ ему натуръ,—ибо въ этомъ отношеніи Гартманъ, конечно, не единичное явленіе,—можно было бы выразить слѣдующими стихами одного изъ нашихъ, наиболѣе глубокомысленныхъ и такъ сказать философичныхъ, поэтовъ:

О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойнаго бытія...

Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...

Не могу, конечно, съ несомнѣнностію утверждать, что Гартманъ таковъ именно былъ. Но, кромѣ полновѣсной и полносмысленной категоріи *быть*, есть, какъ извѣстно, еще и другая категорія *казаться*. И вотъ *такимъ именно онъ мнѣ и тогда казался, а потомъ—въ сочиненіяхъ—такимъ и оказался...*

И здѣсь именно, съ моей точки зрѣнія, ключъ къ пониманію и истолкованію *подлиннаго смысла* его философіи, а вмѣстѣ и—мѣра ея оцѣнки, о чемъ теперь у меня и будетъ рѣчь.

II.

Существуетъ два типа философскихъ системъ. Однѣ выходятъ изъ головы своихъ создателей въ готовой и законченной формѣ, — какъ Аѳина Паллада изъ головы Зевса. Другія непрерывно растутъ и развиваются, вмѣстѣ съ ростомъ философствующаго сознанія, по мѣрѣ духовнаго развитія ихъ творца. Система Гартмана есть система этого второго рода. Пусть медленно и какъ бы даже съ нѣкоторымъ сознательнымъ упорствомъ, но философъ все же мало по малу поступался и, въ концѣ концовъ, поступился многимъ изъ первоначально-принятаго, сглаживая крикливыя уродливости своего перваго философскаго творенія,—*Философіи Безсознательнаго*.

Для пониманія философской системы, особенно системы развивающейся, «эвольвирующей», какъ и для пониманія художественнаго произведенія, необходимо, прежде всего, вѣрно угадать ея *пафосъ*, то есть ту основную философскую страсть, которая всѣмъ движетъ въ мыслящемъ духѣ философа,—его высшій интересъ. Такимъ интересомъ для Гартмана, какъ извѣстно, служилъ вопросъ о цѣнности бытія и жизни, вопросъ, говоря техническимъ языкомъ самаго философа, *аксіологическій*. Поэтому аксіологія или, по болѣе принятой терминологіи, *тимологія*, — ученіе о цѣнности бытія и жизни,—была для него именно тою фило-

софскою дисциплиною, къ которой онъ возвращался особенно часто. Ну и какъ же онъ разрѣшалъ этотъ мучительнѣйшій для него вопросъ? Куда толкала философа его основная философская страсть, его философскій пафосъ?

Отвѣтъ извѣстенъ. Гартмана называютъ философомъ пессимизма и—*пессимистомъ*. И это вполнѣ справедливо,—если мы будемъ имѣть въ виду его *Философію Безсознательнаго*, надъ которою, дѣйствительно, распростертъ мракъ самаго непрогляднаго и совершенно безвыходнаго пессимизма. Всѣмъ, хоть сколько нибудь прикосновеннымъ къ философіи, извѣстно его,—знаменитое, въ своемъ родѣ,—ученіе о трехъ стадіяхъ иллюзіи. Міръ античный и громадная часть современнаго человѣчества ищетъ счастія *здѣсь*, на землѣ и притомъ въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда мы, повидимому, настигаемъ вѣчно убѣгающія отъ насъ блага жизни,—радость любви, дружбы, честь, богатство, достатокъ и т. д.,—счастіе, которымъ насъ манило обладаніе этими благами, исчезаетъ. И это есть первая иллюзія. Христіанство перенесло наши надежды *туда*, въ тотъ міръ, и многіе пошли за его проповѣдниками: не здѣсь, а *тамъ*,—таковъ призывно-повелительный голосъ этихъ проповѣдниковъ. Но тамъ,—о, кто знаетъ, что будетъ тамъ?.. Вексель на потустороннее блаженство, конечно, заманчивъ, но, по словамъ Гартмана, онъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: даты на этомъ векселѣ, то есть указаніе мѣста и времени уплаты по нему, весьма сомнительны и, поэтому, развѣ лишь очень немногіе склонны теперь ему довѣрять. И это—вторая иллюзія. Наконецъ, иные, сторонники культуры, проникнутые вѣрою во всемогущество «прогресса и цивилизаціи», думаютъ, что, если не теперь, то въ будущемъ люди ужъ навѣрно будутъ счастливы и притомъ всѣ безъ исключенія и именно *здѣсь же*, на землѣ. Но, съ точки зрѣнія нашего философа, и людей этой наивной вѣры въ прогрессъ и цивилизацію неминуемо постигнетъ полное разочарованіе. Болѣзнь и

старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, бѣдность и недовольство не только никогда не исчезнутъ изъ жизни, но чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ становиться все мучительнѣе. И это потому, что зло будетъ расти все быстрѣе и быстрѣе, а благодѣтельныя средства культуры, хотя тоже будутъ возрастать, но лишь медленно. Порокъ, правда, перестанетъ ходить въ рубищѣ, одѣнется во фракъ и нарядное платье, сдѣлается благовиднѣе, утонченнѣе и изощреннѣе. Но, въ концѣ концовъ, развѣ же это ужъ такъ важно?.. И вотъ третья и послѣдняя иллюзія, по мѣрѣ проясненія которой въ сознаніи человѣчества число пессимистовъ, такъ предрекалъ Гартманъ въ своемъ первомъ сочиненіи, будетъ увеличиваться все больше и больше.

Какъ три желѣзныхъ кольца, сжимаютъ эти три иллюзіи у читателя *Философіи Безсознательнаго* и умъ, и чувство, и волю: бороться за жизнь не изъ-за чего и, потому, не стоитъ! Такое впечатлѣніе при чтеніи книги испыталъ въ свое время—много лѣтъ тому назадъ—и я. И вотъ и эту муку я принесъ съ собою къ философу. Ну и что-же здѣсь? Здѣсь моимъ мыслямъ былъ данъ толчекъ въ совершенно другую сторону. Для меня ясно стало, что такой пессимизмъ есть лишь власть прошлаго надъ сознаніемъ «философа безсознательнаго», но что самъ онъ—и жизнью и мыслью—противъ этой власти уже протестуетъ. И это, прежде всего, потому, что въ философѣ пессимизма не было ничего жизневраждебнаго, никакихъ слѣдовъ сумрачности и жалобъ на жизнь. Напротивъ, и отъ его собственной личности и отъ всѣхъ окружающихъ, отъ всей даже обстановки шло навстрѣчу самое бодрое и жизнерадостное настроеніе,—полное вѣры въ жизнь или, говоря языкомъ философскимъ, полное *энергичнѣйшаго утвержденія воли къ жизни*, въ противоположность Шопенгауеровскому отрицанію этой воли.

Когда въ виду этого факта я выразилъ пріятное удивленіе, философъ въ объясненіе указалъ мнѣ нѣкоторыя страницы изъ своей автобіографіи, на одной изъ которыхъ я между прочимъ прочиталъ потомъ вотъ что:

«Способность объективаціи спасла меня, въ моемъ положеніи,—*разумѣется болѣзнь*, — отъ духовной гибели. Въ ней нашелъ я средство освободиться отъ того, что невыразимо точило душу. Написавъ — въ своей *Философіи Безсознательнаго* — главы о пессимизмѣ, я тѣмъ самымъ снялъ съ своей души, разъ и навсегда, бремя міровой скорби, очистивъ ее и возвысивъ на ступень безстрастнаго, чуждаго аффективности *знанія* о горечи бытія, а чрезъ это я снова возвратилъ себѣ ничѣмъ неомрачаемую ясность духа, парящаго въ эѳирѣ чистой мысли и созерцающаго отсюда, изъ этой прозрачной и чистой сферы, міръ и свое собственное страданіе, какъ чуждый мнѣ объектъ изслѣдованія».

Вотъ разгадка тайны! Горечь бытія, сознанная и спокойно взвѣшенная на вѣсахъ разума, перестала уже быть для философа такою, потеряла наполовину, а можетъ быть и сполна, свою разъѣдающую остроту. На это указалъ еще глубокомысленный Спиноза въ другомъ примѣненіи: сознать страсть значитъ освободиться отъ нея.. Такъ и здѣсь, у Гартмана.

И дальше, въ заключеніи той-же, чрезвычайно интересной, автобіографіи мы находимъ уже поистинѣ удивительныя строки, отъ которыхъ вѣетъ счастіемъ, почти буржуазнымъ:

«Любящая супруга, вполнѣ проникнутая пониманіемъ моихъ идеальныхъ стремленій, спутница моей жизни, царитъ въ моемъ скромномъ, но уютномъ домикѣ, расположенномъ противъ ботаническаго сада, похожаго на паркъ и соединяющемъ въ себѣ удобства зимняго и лѣтняго пребыванія... У нашихъ ногъ играетъ, съ вѣрными четвероногими товарищами, прелестный цвѣтущій ребенокъ, который уже освоился со склоненіями и спряженіями, съ сочетаніемъ существительныхъ и глаголовъ, постигъ даже и Фихтевское «я», — хотя, какъ это обыкновенно бываетъ и какъ было и у самого Фихте, пока еще смѣшиваетъ это я съ третьимъ лицомъ: «оно». Мои родители, а также и

тесть съ тещей, вмѣстѣ съ избраннымъ кругомъ моихъ друзей, заботятся о моемъ развлеченіи, о моихъ духовныхъ удовольствіяхъ и доставляютъ мнѣ много отрадныхъ возбужденій, такъ что одинъ изъ моихъ философскихъ друзей однажды выразился такъ: «Когда захочется еще разъ взглянуть на довольныя и веселыя лица, то придется идти опять къ пессимистамъ».

Вотъ идиллія и могу, на основаніи своего собственнаго впечатлѣнія, сказать, что это отнюдь не шаржъ!

Привожу эти справки изъ автобіографіи Гартмана не затѣмъ, конечно, чтобы въ чемъ-нибудь упрекать философа, или вскрывать несогласованность между его словомъ и дѣломъ,—о, нѣтъ! это, пожалуй, было бы и нетрудно, но ужъ совершенно безплодно!—а лишь затѣмъ, чтобы показать, что, когда говорятъ о «пессимизмѣ» Гартмана, то нужно понимать это выраженіе cum grano salis. Я хочу лишь отмѣтить и подчеркнуть, что *пессимизмъ теоріи* столкнулся въ душѣ философа съ *оптимизмомъ жизни* и, конечно, сдѣлалъ послѣднему много уступокъ. Мы отнюдь не можемъ слѣдовательно, измѣрять пессимизмъ Гартмана мѣркою идей, изложенныхъ въ *Философіи Безсознательнаго*, то есть въ первомъ, почти юношескомъ, его трудѣ. Отъ намѣченныхъ въ немъ оцѣнокъ жизни и міра онъ—повторяю—ушелъ, сознательно ушелъ. Да, въ сущности, онъ только и дѣлалъ, что уходилъ. Сначала онъ сталъ разъяснять, что пессимизмъ вовсе не дѣлаетъ человѣка несчастнымъ (!!), а потомъ уже сталъ прямо, замѣтно и все болѣе и болѣе рѣшительно, склоняться къ оптимизму.

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что, не рѣшаясь,—по мотивамъ совершенно стороннимъ чистой наукѣ, какъ онъ и самъ говоритъ въ своей автобіографіи, — подвергать серіозной передѣлкѣ свой первый трудъ, доставившій философу популярность и даже славу, онъ въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ вноситъ къ нему и въ особенности къ ученію о цѣнности бытія и жизни или къ такъ называ-

смой аксіологіи рядъ существенныхъ поправокъ и ограниченій, цѣлый рядъ корректуръ именно въ этомъ направленіи. При этомъ выясняется, мало-по-малу, что съ точки зрѣнія Гартмана пессимизмъ, правильно понятый, вовсе не безнадеженъ и не безутѣшенъ (Гартманъ пишетъ даже спеціальное философское утѣшеніе душамъ страждущимъ!); что онъ отнюдь не обязываетъ слагать въ безсиліи и отчаяніи руки; что вообще только эгоистъ, все на свѣтѣ измѣряющій удовольствіемъ, можетъ приходить въ отчаяніе отъ мірового зла, но человѣкъ нравственно настроенный не поддастся искушеніямъ унынія и отчаянія и выйдетъ смѣло на трудъ и дѣланіе... Въ общемъ, какъ видимъ, достаточно «корректуръ» и притомъ принципіальнаго характера.

Въ *Философіи Безсознательнаго* Гартманъ оцѣнивалъ міръ и жизнь съ одной единственной точки зрѣнія: съ точки зрѣнія удовольствія или такъ называемой эвдемонологической. Но потомъ онъ сталъ все отчетливѣе и отчетливѣе различать пять возможныхъ точекъ зрѣнія на цѣнность бытія и жизни: эвдемонологическую, точку зрѣнія цѣлесообразности, красоты, нравственности и религіозности. Наконецъ, намѣтилъ уже цѣлыхъ восемь точекъ зрѣнія на міръ и жизнь, восемь критеріевъ или масштабовъ оцѣнки, а именно сталъ разсматривать теперь міръ: какъ предметъ познанія, какъ откровеніе красоты, какъ поприще для нравственной дѣятельности, какъ среду искупленія человѣка, міра и самаго Абсолютнаго отъ зла, какъ непрерывно развивающійся процессъ, какъ осуществленіе предпоставленныхъ цѣлей, какъ игру и вмѣстѣ муку слѣпой воли и, наконецъ, какъ мѣру удовольствія и неудовольствія... И вотъ въ послѣднемъ счетѣ оказывается, что въ шести первыхъ смыслахъ, то-есть измѣряемый критеріями логики, красоты, нравственности, искупительнаго подвига, эволюціи, телеологіи, міръ представляетъ *положительную цѣнность*, такъ какъ постепенно развивается и притомъ именно совершенствуется, при-

ближаясь къ опредѣленнымъ конечнымъ цѣлямъ. И только вотъ въ двухъ послѣднихъ смыслахъ, то-есть измѣряемый мѣрою слѣпой жажды жить и наслаждаться, міръ представляетъ *отрицательную цѣнность*. Такимъ образомъ, *эвдемонологическій пессимизмъ* переходитъ у Гартмана мало по малу въ свою противоположность, въ такъ называемый *эволюціонный или телеологическій оптимизмъ*, въ которомъ, по его собственнымъ словамъ, онъ своеобразно соединяетъ пессимизмъ Шопенгауера съ оптимизмомъ Лейбница [1]).

Здѣсь предъ нами очень важный моментъ въ общей связи идей Гартмана, моментъ, правильное пониманіе котораго даетъ ключъ ко всей его системѣ и именно въ ея движеніи, такъ какъ помогаетъ опредѣлить конечный полюсъ склоненія мысли философа.

Кто хоть сколько нибудь, хотя бы изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, знакомъ съ общими началами философіи Гартмана, тотъ знаетъ, что въ основу его системы

---

[1]) Послѣдовательная смѣна точекъ зрѣнія Гартмана въ вопросѣ о цѣнности жизни и бытія хорошо разъяснена въ капитальномъ трудѣ *Arthur*'а *Drews*'а, Eduard von Hartmanns philosophisches System im Grundriss (2-te Auflage, 1906), Ss. 316—357, 920—923. Для ясности обозрѣнія мы намѣтимъ три, пройденныя Гартманомъ, ступени въ одной общей схемѣ:

Сначала (въ „Философіи Безсознательнаго“) одна точка зрѣнія—*эвдемонологическая*.

Потомъ (въ цѣломъ рядѣ трактовъ) выступаютъ уже пять различныхъ точекъ зрѣнія: эвдемонологическая, *эстетическая*, *этическая*, *религіозная*, *телеологическая*.

Наконецъ (въ спеціальномъ трактѣ: Wert der Welt, помѣщенномъ въ 1903 г. въ журналѣ „Deutschland“), кромѣ пяти, только что перечисленныхъ, точекъ зрѣнія выступаютъ еще три, такъ что всего получается восемь, а именно: *гносеологическая* (познаваемость міра), эстетическая, этическая, религіозная, телеологическая, *эволюціонная* (міровой процессъ, какъ одно, непрерывно-связное развитіе), *волюнтаристическая* и, наконецъ, эвдемонологическая.

Только оцѣнки съ двухъ послѣднихъ точекъ зрѣнія—волюнтористической и эвдемонологической—даютъ, въ итогѣ, какъ мы сказали, минусы, съ остальныхъ-же шести получаются плюсы... Ergo, жить еще можно и стóить!

положены два начала: слѣпая «безсознательная» воля (это наслѣдіе отъ Шопенгауера и отчасти Шеллинга) и — столь-же «безсознательная», хотя и разумная, «логичная» идея (это—наслѣдіе отъ Гегеля). Сначала — въ *Философіи Безсознательнаго*—у Гартмана перевѣшивалъ первый моментъ и, потому, надъ міромъ и жизнью въ этой книгѣ царятъ неразуміе, слѣпота и страданіе. Но потомъ, по мѣрѣ развитія и оформленія системы, подъ вліяніемъ перемѣнившейся оцѣнки жизни, у Гартмана сталъ брать перевѣсъ второй моментъ, то-есть идея, «логическое», разумъ. Смыслъ мірового процесса опредѣлился теперь въ системѣ нашего философа, какъ борьба началъ неразумнаго (а-логическаго) съ разумнымъ (логическимъ). Первое захотѣло проявить себя въ мірѣ и, такъ какъ поступило неразумно, то нашло страданіе. Второе, какъ коллективный разумъ человѣчества, какъ собирательное сознаніе всѣхъ людей, понявшихъ сущность и смыслъ мірового процесса, должно исправить эту ошибку и возвратить слѣпую волю къ состоянію первоначальнаго покоя и безстрастія. Въ итогѣ, слѣдовательно, у Гартмана получается нѣчто въ родѣ апокатастасиса,—ученіе о возвращеніи всего въ Бога и успокоеніи въ немъ. Отсюда возникаетъ требованіе, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ *основная заповѣдь философіи эволюціонно-телеологическаго оптимизма:* отъ каждаго, кто имъ проникся или кто до него поднялся, требуется полная преданность цѣлямъ мірового процесса, то-есть служеніе всеобщему искупленію или спасенію отъ зла. Нужно, учитъ Гартманъ, цѣли Безсознательнаго сдѣлать своими цѣлями, принять на себя и понести «крестъ свой» ради Бога... Какъ слышимъ, это звучитъ уже почти по-христіански. И мы знаемъ теперь, что, когда Гартманъ дополнилъ свой первоначальный «эвдемонологическій пессимизмъ» «эволюціоннымъ или телеологическимъ оптимизмомъ», то эти фразы, которыя въ качествѣ риторическихъ украшеній, пестрятъ уже и

страницы *Философіи Безсознательнаго,* получаютъ прямой реальный смыслъ.

Такова существеннѣйшая поправка, внесенная Гартманомъ въ его систему. Мало-по-мало хаотическое и темное, слѣпое и «безсознательное»—въ міровомъ процессѣ и Божественной Первоосновѣ—прояснилось предъ сознаніемъ философа въ гармонически-согласное и свѣтлое, разумное и сознательное. Это не значитъ, конечно, будто измѣнился міръ, его строй и жизнь но—что мало-по-малу измѣнилась сама система, сдѣлавшись гармоничнѣе, стройнѣе, разумнѣе и сознательнѣе: «алогичное» и «антилогичное» уже въ значительной мѣрѣ было побѣждено именно въ ней, то-есть въ душѣ и сознаніи философа, «логичнымъ». На объективный процессъ здѣсь перенесено лишь то, что совершилось въ субъективномъ. Здѣсь-же, въ субъективномъ процессѣ философа, это измѣненіе и—скажемъ прямо—улучшеніе совершилось именно подъ вліяніемъ перестановки точки зрѣнія на вопросъ о цѣнности и смыслѣ жизни. Разъ понято и отчетливо сознано, что нельзя жить, изнывая въ печали и сѣтованіяхъ на горечь бытія и безуміе желаній, разъ сознана и прочувствована необходимость просвѣтлить и исправить жизневраждебное настроеніе «эвдемонологическаго пессимизма» бодрящими и освѣжающими струями «телеологическаго оптимизма» съ его вѣрою въ жизнь, науку, искусство, нравственность, религію,—тогда было уже просто дѣломъ логической послѣдовательности въ томъ-же смыслѣ исправить и ученіе о мірѣ, міровомъ процессѣ и его первоосновѣ, то-есть по аксіологіи исправить метафизику, философію природы, философію исторіи. И это исправленіе дѣйствительно совершалось. Но, конечно, власть прошлаго тяготѣла надъ сознаніемъ философа, и потому его поправки можно констатировать лишь въ деталяхъ, хотя иногда и очень характерныхъ... Вѣчная тавтологія исторіи человѣческаго мышленія! Борьба, неудовлетворенность и, какъ слѣдствіе этого, глубокая внутренняя трагика!

III.

Если съ разъясненной точки зрѣнія мы окинемъ однимъ взглядомъ философскую дѣятельность Гартмана, охватывающую почти полстолѣтія и проявившуюся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, большихъ и малыхъ, то въ ней обнаружится какъ бы два разнородныхъ пласта или, точнѣе, двѣ идейныхъ сферы, — съ различными и даже противоположными притяженіями. Въ одной, гдѣ царитъ Гартманъ первой стадіи, поклонникъ слѣпого и темнаго волеваго начала, мы имѣемъ предъ собою повтореніе довольно извѣстныхъ и часто совсѣмъ не оригинальныхъ схемъ пантеизма, то разсудочно-сухихъ и даже схоластическихъ, то мистически-туманныхъ, — имѣемъ, дѣйствительно, какъ бы философко-пантеистическій романъ, своего рода миѳологію, въ чемъ не безъ основанія упрекали Гартмана той эпохи наиболѣе строгіе изъ его критиковъ. Во второй идейной сферѣ, гдѣ царитъ Гартманъ второй формаціи, поклонникъ идеи, логическаго въ абсолютномъ и—что особенно важно—телеологическій оптимистъ, мы имѣемъ предъ собою рядъ оригинальныхъ, смѣло намѣченныхъ брешей въ пантеистическомъ міропониманіи, образованныхъ мощными ударами критическаго разума, вдохновляемаго наиболѣе здоровыми инстинктами природы: здѣсь мы имѣемъ сильную до несокрушимости критику матеріалистическаго атомизма, механизма въ біологіи, дарвинизма и т. д. Все это крѣпкіе строительные камни, которые могли бы быть использованы при возведеніи философскаго зданія на иномъ фундаментѣ и въ иномъ стилѣ, — зданія въ направленіи теистическомъ.

Говоръ и шумъ, съ значительною примѣсью страстности, созданъ около имени Гартмана произведеніями перваго фазиса или первой стадіи и, прежде всего, *Философіею Безсознательнаго*, съ ея остроумными и смѣлыми парадоксами. Но знатоки философіи цѣнятъ главнымъ об-

разомъ произведенія Гартмана второй стадіи, которыя написаны не для толпы, но для науки и которыя даже и одни могли бы обезпечить ихъ автору безспорное и прочное мѣсто въ исторіи мысли. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія три его сочиненія изъ числа послѣднихъ: *Ученіе о категоріяхъ* (1895 г.), *Міросозерцаніе современной физики* (1902 г.) и послѣднее, появившееся за какихъ-нибудь два-три мѣсяца до смерти философа и являющееся какъ бы его философскимъ завѣщаніемъ, *Проблема жизни, философскія штудіи* (1906 г.). Эти три сочиненія,—особенно два первыя, какъ наиболѣе обработанныя,—останутся образчиками строгаго научнаго метода, истинно философскаго глубокомыслія и содержательности почти неисчерпаемой. Они могутъ соединить около имени Гартмана, въ общемъ чувствѣ преклоненія предъ его философскимъ геніемъ, людей самыхъ различныхъ философскихъ направленій.

Къ сожалѣнію, я не могу входить здѣсь въ ихъ обсужденіе и ограничусь лишь бѣглымъ ознакомленіемъ съ послѣднимъ его трудомъ.

Проблема жизни—въ собственномъ смыслѣ «лебединая пѣснь» Гартмана. И это не потому только, что названная книга есть послѣднее произведеніе философа, но также и потому, что это—одно изъ наиболѣе характерныхъ его произведеній, съ мотивами, очень рѣшительными и вмѣстѣ очень своеобразными. Въ немъ умирающій лебедь философской мысли еще разъ окидываетъ родныя ему палестины человѣческаго знанія, такъ старательно имъ исхоженныя, и отмежевываетъ то, что влекло его къ себѣ, что было ему близко и дорого, отъ того, что отталкивало,—свое и сродное отъ чужаго и несроднаго.

Въ книгѣ двѣ части: историческая и систематическая.

Первая часть есть великолѣпный, чрезвычайно содержательный, при краткости, и въ то же время безупречно точный, литературный справочникъ по данному вопросу.

Всякій, кто захочетъ интимно войти въ исторію біологической проблемы, долженъ не только ознакомиться съ этою частью книги, но и постоянно держать ее предъ собою, — именно какъ настольный справочникъ. Въ сжатомъ схематическомъ обозрѣніи здѣсь дано критическое изложеніе важнѣйшихъ трудовъ новѣйшихъ біологовъ (около полусотни!), начиная съ Дарвина, благодаря чему книга ставитъ своего читателя, такъ сказать, подъ перекрестный огонь тѣхъ острыхъ и иногда чрезвычайно страстныхъ споровъ, которыми отмѣчено, въ области философствующей біологіи, и вообще въ области натурфилософіи, послѣднее полустолѣтіе.

Вторая, систематическая, часть книги обсуждаетъ—критико-полемическимъ методомъ — важнѣйшія проблемы философской біологіи: о границѣ между органическимъ и неорганическимъ, о строеніи клѣтки, о развитіи многоклѣточныхъ организмовъ, о регуляторныхъ функціяхъ организма, о біологическомъ значеніи смерти, о законѣ наслѣдственности, о половомъ размноженіи, о происхожденіи человѣка, о такъ называемомъ жизненномъ принципѣ, въ связи съ вопросами объ энергетикѣ, механикѣ, о цѣлесообразности и причинности въ области біологіи, о психофизической причинности и т. д.

Основная точка зрѣнія Гартмана въ книгѣ *Проблемъ жизни* та же, что и въ третьемъ томѣ его *Философіи Безсознательнаго*, посвященномъ спеціально дарвинизму, то есть—точка зрѣнія *телеолога-неовиталиста*.

Существуетъ ли граница между органическимъ и неорганическимъ,—граница непереходимая? Несомнѣнно. Но она лежитъ не тамъ, гдѣ ее такъ часто искали: не въ матеріи, потому что наука уже вступила на путь искусственнаго изготовленія такъ называемыхъ органическихъ веществъ, и не въ формѣ, потому что наука констатировала уже, наприм., въ структурѣ кристалловъ, клѣточковидныя формы, которыя когда-то считались специфическими для организмовъ.

Итакъ, ни матеріальныхъ, ни формальныхъ отличительныхъ признаковъ между двумя областями природы, органическою и неорганическою, указать нельзя. Но тѣмъ не менѣе грань между ними есть и вполнѣ твердая,—именно *непереходимая:* это—*телеологическое направленіе механическихъ процессовъ, въ цѣляхъ сохраненія, развитія и воспроизведенія организма, жизненною силою.*

Чрезъ это утвержденіе Гартманъ, очевидно, примыкающій къ виталистамъ, отграничиваетъ свою точку зрѣнія отъ всѣхъ матеріалистическихъ и механистическихъ теорій, включая и дарвинизмъ чистаго типа. Для него, какъ и для другихъ виталистовъ, вопросъ уже не въ томъ, *есть ли* граница механическаго міропониманія, но развѣ лишь въ томъ, *гдѣ* именно она пролегаетъ.

Однако, склоняясь ко взгляду, который, казалось бы, уже окончательно сошелъ со сцены чуть ли не цѣлыхъ сто лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ натурфилософіею Шеллинга и Окена, современная философствующая біологическая школа неовиталистовъ,—и Гартманъ въ ряду ея представителей,—глубоко видоизмѣняетъ понятіе жизненной силы, не только въ отношеніи методологическомъ, но и по содержанію. Методъ у неовиталистовъ не дедуктивный, какъ у старыхъ виталистовъ, а индуктивный, требующій тщательной регистраціи и описанія всѣхъ тѣхъ явленій въ органической жизни, въ какихъ ясно проявляется ихъ сверхмеханическій характеръ. Этимъ именно путемъ,—и это вторая существенная черта различія между старыми виталистами и неовиталистами,—ясно устанавливается, прежде всего, что̀ жизненная сила *не есть:* она не есть, не только нѣчто матеріальное (это-то признавали и виталисты), но не есть и нѣчто антропоморфно-индивидуальное, откуда слѣдуетъ,—это положительный тезисъ Гартмана,—что *жизненная сила есть нѣчто безсознательно-сверхиндивидуальное* или, какъ онъ выражается, *нѣкоторый безсознательный ‹психоидъ›.*

Результаты своихъ разъясненій относительно природы

жизненной силы Гартманъ формулируетъ такъ: «Какъ положительное пріобрѣтеніе послѣдняго столѣтія въ отношеніи къ принципу жизни, слѣдуетъ разсматривать то, что этотъ принципъ, въ случаѣ если мы его вообще примемъ, долженъ быть мыслимъ, какъ *психическій* въ своемъ проявленіи и какъ *метафизическій* въ своей сущности или своемъ корнѣ, который, будучи нематеріальнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, абсолютно *безсознателенъ* и *супраиндивидуаленъ*. Въ немъ можно различать идеальную и реальную стороны, самозаконность (автономію) жизненныхъ процессовъ и — тенденцію или силу осуществить эту высшую органическую законность. Его можно разсматривать, какъ динамическій принципъ, отличающійся отъ другихъ динамическихъ принциповъ своеобразною закономѣрностію собственнаго дѣйствія, или какъ нѣкотораго рода законодательство, которому присущи стремленіе и сила себя проявлять или, наконецъ, какъ нѣкоторое неразложимое единство обнимаемыхъ и объединяемыхъ имъ моментовъ, идеальнаго и реальнаго» (стр. 385).

Такова формула. Скажутъ: однако, въ этой формулѣ нѣтъ ничего особеннаго; такъ, скажутъ, всегда говорили не только неовиталисты, но даже и виталисты архаики и что же, собственно, Гартманъ сказалъ новаго и оригинальнаго?.. Если угодно, въ формулѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего особеннаго, оригинальнаго и неслыханнаго. Но такова ужъ судьба всѣхъ вообще *формулъ*. Онѣ схватываютъ лишь общепризнанное и безспорное. Деталь же, то-есть самое характерное въ теоріи, ея, такъ сказать, душа, въ формулу не входитъ, потому что въ ней не вмѣщается, но какъ бы вьется надъ нею, индивидуализируя ее, одухотворяя и осмысливая.

И есть и у Гартмана, въ его *Проблемѣ жизни*, именно такія характерныя детали, дающія ключъ къ пониманію всей его теоріи, въ ея своеобразіи.

Однако, чтобы овладѣть этимъ ключемъ, намъ необходимо войти въ нѣкоторыя тонкости.

И прежде всего намъ необходимо освоиться съ понятіемъ такъ называемыхъ *центральныхъ* и—соотносительно—*не-центральныхъ* силъ.

Каждая изъ «центральныхъ» (по старой терминологіи матеріальныхъ) силъ непремѣнно связана съ двумя пространственными точками, изъ которыхъ одна служитъ при обнаруженіи силы точкою исходною, а другая конечною,—точкою приложенія силы. Переходъ силы изъ одной точки въ другую (наприм., качаніе маятника) всегда совершается въ прямомъ направленіи и опредѣляется строго-точными, математически выразимыми, законами,—по элементарнымъ принципамъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, потенціала и эргала (формулы, опредѣляющія переходъ скрытой энергіи въ живую) и проч. Если мы имѣемъ предъ собою систему или группу однородныхъ центральныхъ силъ или различныя преломленія, такъ сказать, изученія одной и той же силы, то всѣ они пересѣкаются въ одной центральной точкѣ (отсюда и самый терминъ). Весь неорганическій міръ, съ этой точки зрѣнія, есть не что иное, какъ система или комплексъ проявленій такихъ, пространственно связанныхъ, силъ, производящихъ въ своемъ взаимодѣйствіи «объективную видимость» матеріи, — то-есть матерію, какъ *объективное* явленіе, въ отличіе отъ *субъективнаго*, въ сознаніи каждаго изъ насъ, почему Гартманъ и называетъ центральныя силы матеріеобразующими или матеріетворными силами (*materiierende Kräfte*, — трудно переводимый терминъ). Съ другой стороны, совершенно понятно изъ сказаннаго, что обнаруженіе центральныхъ силъ всегда привязано къ матеріи: въ этомъ только смыслѣ центральныя силы могутъ быть, пожалуй, названы и *матеріальными*, — выраженіе, во всякомъ случаѣ, не точное, такъ какъ всякая сила въ сущности нематеріальна или, что̀ тоже, духовна.

Въ отличіе отъ этихъ центральныхъ, — или, по старой терминологіи, матеріальныхъ, физическихъ, — силъ, силы нецентральныя, органическія и духовныя, характеризу-

ются тѣмъ, что онѣ, хотя и имѣютъ въ матеріальномъ мірѣ свои точки приложенія, на которыя дѣйствуютъ, но не имѣютъ исходныхъ матеріальныхъ точекъ и въ этомъ смыслѣ къ пространству не привязаны, а слѣдовательно и обнаруженіе ихъ, дѣйствуютъ ли онѣ изолированно или группами, не проявляется въ постановкѣ объективной видимости матеріи: это не суть матеріеобразующія силы,—nichtmateriierende Kräfte. Поэтому матерія, въ точномъ смыслѣ этого слова, ни въ коемъ случаѣ не есть источникъ и даже носитель такихъ силъ.

Органическая жизнь опредѣляется сочетаніемъ этихъ двухъ силъ: центральныхъ и нецентральныхъ, связанныхъ и относительно свободныхъ, которыя подчиняютъ себѣ первыя и сообщаютъ *направленіе* ихъ работѣ. Гартманъ, впрочемъ, вовсе не считаетъ необходимымъ настаивать на терминѣ: «органическая сила». Для тѣхъ, кто воспитался на точномъ понятіи силы, какъ именно центральной, «матеріальной», «физической», связанной, онъ считаетъ позволительнымъ замѣнить ставшій въ извѣстныхъ кругахъ одіознымъ терминъ: «жизненная сила» какимъ-нибудь другимъ: агенція, динамическій принципъ, аналогонъ воли, психоидъ и т. д. Лишь бы удерживалось зерно мысли, которое состоитъ именно въ томъ, что организмамъ и органическимъ явленіямъ присущъ особенный, специфическій принципъ реализаціи опредѣленныхъ законовъ,—законовъ жизни органической,—тенденція къ этой реализаціи и вмѣстѣ мощь для такой реализаціи, то-есть присуще именно нѣчто «психоидное», *душеподобное*.

Другая важная деталь, съ которою намъ теперь слѣдуетъ ознакомиться, чтобы понять біологическую точку зрѣнія Гартмана, есть понятіе двухъ различныхъ формъ причинности: изотропной и аллотропной.

Извѣстно, что вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу или—въ біологической сферѣ—«психоида» къ организму рѣшается по одной изъ двухъ основныхъ, типовыхъ схемъ: или параллелизмъ или взаимодѣйствіе.

Процессы психическій или психоидный (біологическій) и физическій протекаютъ параллельно, ни прямо ни косвенно не вліяя одинъ на другой,—тутъ своего рода предуставленная гармонія: такъ рѣшаетъ вопросъ гипотеза параллелизма.

Душа или «психоидъ» вліяетъ на тѣло, не только косвенно, но и прямо, въ порядкѣ причинно цѣлевомъ, равно какъ и, наоборотъ, — тѣло вліяетъ на душу: таково рѣшеніе гипотезы психофизическаго взаимодѣйствія.

Гартманъ рѣшительно становится на эту послѣднюю точку зрѣнія и считаетъ, — совершенно послѣдовательно, конечно,—такое рѣшеніе необходимымъ предположеніемъ гипотезы неовитализма.

Но какъ же,— спрашиваютъ обыкновенно, — какъ возможно такое взаимодѣйствіе при разнородности души («психоида») и тѣла? На этотъ вопросъ, которому Гартманъ посвятилъ, между прочимъ, спеціальную главу и въ своей *Современной психологіи*, онъ отвѣчаетъ очень просто,—вмѣстѣ и остроумно и убѣдительно.

«Разнородное»!.. Но развѣ мы знаемъ въ природѣ что-нибудь вполнѣ однородное?.. А разъ совершенно однороднаго нѣтъ, тогда пришлось бы, вѣдь, вообще отрицать взаимодѣйствіе и реальную власть закона причинности. Получилась бы нелѣпость. Это, во-первыхъ. Затѣмъ. Мнимая разнородность души и тѣла совершенно исчезаетъ, если мы будемъ разсматривать ихъ,—какъ и слѣдуетъ съ волюнтаристической точки зрѣнія, — въ качествѣ различныхъ проявленій одного и того же въ сущности динамическаго начала, то-есть абсолютной воли [1]).

---

[1]) См. *Современную психологію*, русск. перев. М. Филиппова, стр. 346—7.—Въ *Проблемѣ жизни* Гартманъ прибавляетъ еще нѣсколько соображеній, чрезвычайной важности. Эти соображенія, однако, такъ спеціальны и вводятъ въ такія, лишь знатокамъ дѣла, доступныя трудности, что я рисковалъ бы остаться совершенно непонятымъ, если бы задумалъ передать ихъ теперь во всѣхъ деталяхъ: волей-неволей мнѣ приходится, такимъ образомъ, ограничиться лишь двумя-тремя намеками на мысль философа—не болѣе.

Мы знаемъ уже, что всякое живое существо, — человѣка, животное, растеніе, — съ точки зрѣнія Гартмана слѣдуетъ разсматривать *въ явленіи* дуалистически: душа или психоидъ, въ одной стороны, тѣло—съ другой. Тѣло есть проявленная система центральныхъ силъ, подчиненныхъ *своимъ* опредѣленнымъ законамъ: физическимъ, химическимъ, механическимъ. Душа или «психоидъ» есть проявленная система нецентральныхъ силъ, подчиненныхъ *своимъ* законамъ. Теперь, если бы внутреннее начало было чистымъ сознаніемъ, а внѣшнее чистою матеріею, то, конечно, взаимодѣйствіе между ними, какъ совершенно разнородными — *аллотропная причинность*—было бы невозможно, потому что оставалось бы вѣчною тайною, *какъ* «чистое сознаніе» дѣйствуетъ на «чистую матерію». Но дѣло въ томъ, что, какъ у матеріи есть своя внутренняя сторона,—такъ какъ вѣдь матерія есть проявленіе хотя и матеріетворныхъ, но, по существу или въ отнологическомъ смыслѣ, нематеріальныхъ, духовныхъ силъ (вѣдь всѣ силы духовны!), — такъ и у сознанія есть какъ бы свое безсознательное, волево-динамическое окруженіе. Нѣтъ монадъ, которыя были бы чистымъ духомъ, равно какъ и, наоборотъ, — нѣтъ тѣлъ, которыя были бы только тѣлами: это сдѣлалось общимъ мѣстомъ со времени Лейбница. У всего внутренняго—въ сферѣ конечнаго бытія—есть свое внѣшнее и у всего внѣшняго есть свое внутреннее. Вотъ въ этомъ-то *фактѣ* и дана возможность взаимодѣйствія,—совершенно понятной *изотранной причинности*. Когда сознательное дѣйствуетъ на безсознательное или волево динамическое, то это для насъ совершенно понятно, потому что здѣсь предъ нами случай причинности имманентной, то-есть самой понятной изъ всѣхъ, — какъ намъ совершенно понятно, такъ какъ внутренно извѣстно, дѣйствіе, положимъ, чувства на разумъ, разума на волю и т. д. Равнымъ образомъ, когда безсознательное или волево-динамическое окруженіе чистаго сознанія дѣйствуетъ на внутреннюю, также безсознательную сторону

тѣла, то опять-таки взаимодѣйствіе здѣсь совершенно понятно, потому что дѣйствуетъ другъ на друга однородное,—подобно тому, наприм., какъ дѣйствуютъ другъ на друга говорящіе, жестикулирующіе и т. д. люди. А разъ мы это понимаемъ, то перестаетъ уже быть для насъ загадкою, «магически-супранатуральнымъ» актомъ, и взаимодѣйствіе между сознаніемъ и тѣломъ, духомъ и природою вообще. Нужно, слѣдовательно, лишь разложить кажущуюся непрерывною цѣпь причиннаго взаимодѣйствія души и тѣла на рядъ изотропно-причинныхъ моментовъ и тогда, переходя по ступенямъ этой лѣстницы, мы уяснимъ себѣ и аллотропное взаимодѣйствіе между душею или психоидомъ и организмомъ, и ничего чудеснаго у насъ не останется.

Такова основная мысль *Проблемы жизни.*

Нужно, однако, сознаться, что, къ сожалѣнію, *Проблема жизни* обработана Гартманомъ далеко не съ такою тщательностію, какъ другіе изъ его позднѣйшихъ, наиболѣе зрѣлыхъ, трудовъ, — особенно, наприм., *Ученіе о категоріяхъ*, *Міросозерцаніе современной физики* и, пожалуй, *Современная психологія.* Историческая часть книги, вообще говоря обработана лучше систематической. Въ послѣдней же есть досадныя недомолвки, на иныхъ страницахъ чисто конспективный схематизмъ, вмѣсто подробнаго изложенія и т. д. Все это очень затрудняетъ чтеніе книги. Но если кто, тѣмъ не менѣе, ее преодолѣетъ, тотъ найдетъ въ ней ключъ, котораго, быть можетъ, уже давно искалъ,—ключъ къ философскому пониманію біологическихъ тайнъ, которыя дотолѣ отъ него капризно ускользали.

И прежде всего онъ пойметъ и признаетъ, что, дѣйствительно, существуетъ глубокая и воистину непереходимая грань между органическимъ и неорганическимъ, между живою природою и мертвою и—далѣе—между областью біологіи и психологіи. Правда, объ этомъ говорятъ не біологическіе эксперименты, не микроскопъ и не скальпель. Самъ Гартманъ не разъ оговаривается, что здѣсь

приходится спускаться въ области подъ- или за-микроскопныя, куда проникаетъ лишь мысль. Но отъ этого выводъ не становится, конечно, менѣе убѣдительнымъ. Напротивъ, именно здѣсь со всею силою обнаруживается незамѣнимая важность философскихъ анализовъ, идущихъ объ руку съ научными: въ такихъ областяхъ это единственные путеводители.

Онъ пойметъ, во-вторыхъ, что, хотя внутреннее и внѣшнее начала въ организмѣ разнородны, но это не мѣшаетъ имъ быть и жить, то-есть функціонировать, какъ единому психофизическому цѣлому, въ постоянномъ взаимодѣйствіи, причемъ, однако же, конечная разгадка этой тайны открывается лишь тому мыслителю, который взглянетъ на нее съ точки зрѣнія Первоначала Абсолютнаго,—на что «философъ безсознательнаго» нашелъ въ себѣ достаточно мужества, вопреки половинчатымъ скептикамъ разныхъ оттѣнковъ...

Но я чувствую, что утомилъ аудиторію этими спеціальными тонкостями и, поэтому, перейду теперь къ общей заключительной характеристикѣ.

IV.

Одинъ изъ біографовъ Гартмана и систематизаторовъ его философіи [1]) беретъ, въ качествѣ эпиграфа для своей книги, слѣдующія замѣчательныя слова Эмерсона:

«Будьте на стражѣ, когда великій Богъ посылаетъ на нашу планету *мыслителя*. Ибо это значитъ, что тогда все въ опасности. Происходитъ тогда нѣчто подобное тому, какъ если бы въ большомъ городѣ вспыхнулъ пожаръ и никто не знаетъ, гдѣ онъ окончится и гдѣ, поэтому, въ городѣ безопасно. Не остается тогда — съ приходомъ великаго мыслителя—ни одной части науки, страницы ко-

[1]) Dr. *Arthur Drews.*

торой завтра же не могли бы быть перевернуты. Нѣтъ уже болѣе такихъ литературныхъ авторитетовъ, нѣтъ такъ называемыхъ вѣчныхъ, вѣчно славныхъ именъ, которыхъ не приходилось бы переоцѣнивать заново и, можетъ быть, отвергать... Даже самыя надежды и чаянія человѣка, завѣтныя мысли его сердца, бытъ и нравственность человѣчества, самая религія: все подлежитъ тогда новымъ обобщеніямъ и перегруппировкамъ. И это всегда служитъ знакомъ вступленія Божества въ человѣческую жизнь, нѣкотораго высшаго вліянія (Einströmen [1]) на духъ человѣка. Отсюда тотъ невольный трепетъ, который сопровождаетъ подобные моменты».

Прекрасныя, полныя глубины и выразительности, слова! Дѣйствительно въ иныя эпохи, какъ бы самъ Богъ посылаетъ людей выдающейся духовной силы, которые подводятъ итоги прошлому и ставятъ запросы будущему,— какъ бы бросаютъ въ горнило критики созданія прежнихъ строителей культуры, изъ металловъ драгоцѣнныхъ и простыхъ, для очищенія и переплавки въ новыя формы, сообразно новымъ потребностямъ и запросамъ духа.

Гартманъ былъ одинъ изъ тѣхъ «мыслителей», которые дѣлаютъ именно это, которые призываются въ эпохи духовнаго возбужденія для переоцѣнки цѣнностей, увлекаясь иногда,—какъ въ данномъ случаѣ,—даже до постановки *новой цѣны* «Цѣненному»...

По широтѣ захвата мысли, которой ничто, никакіе интересы, не оставались чуждыми, Гартманъ, безъ преувеличенія, былъ и остается для нашей эпохи *unicum*, а по силѣ мысли, по ея безстрашному радикализму, онъ можетъ быть поставленъ въ параллель развѣ лишь съ однимъ Ницше [2]).

---

[1]) Отлично передаетъ этотъ терминъ двустишіе Алексѣя Толстого: „Какъ горной бури приближенье, какъ натискъ пѣнящихся водъ теперь въ груди моей растетъ святая сила вдохновенья".

[2]) На сходство между Гартманомъ и Ницше впервые указалъ, еще

При всемъ различіи между Гартманомъ и Ницше,—различіи, доходящемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, почти до антиподизма,—между ними, въ самомъ дѣлѣ, много общаго.

Обоимъ имъ, прежде всего, присущъ своего рода аристократизмъ мысли. Не тотъ аристократизмъ, который дается родовитостью или блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ, но тотъ, который возвышаетъ человѣка талантливаго надъ ординарностью, мыслителя оригинальнаго и прямолинейнаго надъ подражателями и слабоголовыми путаниками, генія надъ толпою. Этотъ аристократизмъ мысли проявился, правда, весьма различно у систематика Гартмана и афориста Ницше. Но за этими внѣшними, почти формальными различіями мы не должны и не можемъ просматривать общаго.

Обоимъ имъ, далѣе, претитъ слезливая Шопенгауеровская мораль состраданія,—не менѣе, чѣмъ корыстная мораль эвдемоніи и нивеллирующая мораль альтруистической гетерономіи.

Оба они, въ сущности, оптимисты и у обоихъ у нихъ, только лишь въ разной степени и съ различными оттѣнками,—эволюціонный оптимизмъ осложненъ эвдемонологическимъ пессимизмомъ (побѣжденнымъ!).

Оба они убѣжденные противники демократической нивеллировки общества, и у соціальной демократіи, во всей современной литературѣ, быть можетъ, не найдется болѣе непримиримыхъ противниковъ, наносящихъ утопической доктринѣ неотразимые атлетическіе удары, какъ въ лицѣ именно этихъ двухъ мыслителей.

Оба они убѣждены, что культурное движеніе человѣче-

въ 1890 г., извѣстный Георгъ Брандесъ. Drews также его признаетъ хотя заходитъ, въ этомъ направленіи, по нашему мнѣнію, уже нѣсколько далеко,—до констатированія у Ницше Гартмановскихъ идей, только лишь въ невѣрномъ и уродливомъ отраженіи, какъ-бы въ разбитомъ зеркалѣ (op. cit. s. 684). Это, конечно, крайность. Но въ томъ объемѣ, въ какомъ параллель между Гартманомъ и Ницше изложена нами (по Drews'у) въ текстѣ, мы считаемъ её вполнѣ допустимою.

ства обусловлено трудомъ пролагающаго новые пути «аристократическаго меньшинства», въ которомъ единственно надежда на будущее и гарантія противъ культурнаго одичанія,—хотя Гартманъ и не идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, какъ Ницше, съ его противопоставленіемъ морали господъ и рабовъ.

Оба они считаютъ философовъ, или, вообще, людей мысли, истинными вдохновителями и руководителями жизни, наиболѣе авторитетными оцѣнщиками, при случаѣ и переоцѣнщиками, міровыхъ цѣнностей, какъ бы таксаторами жизни и закулисными режиссерами міровой сцены.

Наконецъ, оба они стоятъ въ оппозиціи къ традиціоннымъ формамъ религіозной жизни, — только, тогда какъ Ницше ограничивается лишь глумленіемъ и отрицаніемъ, Гартманъ изъ обломковъ разрушеннаго религіознаго міросозерцанія хочетъ возвести «религію будущаго», «религію духа», хотя его замыслъ, какъ продуктъ искусственный, какъ въ собственномъ смыслѣ «сочиненіе», и разбился о равнодушіе массъ...

Итакъ, предъ нами переоцѣнка по всей линіи. Я не могу, конечно, касаться здѣсь всѣхъ этихъ вопросовъ,—это завело бы слишкомъ далеко,—и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера, главнымъ образомъ съ религіозно-метафизической точки зрѣнія.

И прежде всего,—*о религіозной философіи.* При всей своей, положительно изумляющей, діалектической тонкости и остротѣ анализа, Гартманъ, однако, именно въ религіозной философіи страдалъ несомнѣннымъ дальтонизмомъ. Онъ знаетъ христіанство лишь въ двухъ западныхъ формахъ: въ формѣ католичества и протестантизма и, потому, жало его критики естественно направлено именно противъ этихъ формъ или типовъ христіанской мысли и жизни. Но и эти типы онъ знаетъ лишь издали и книжно, потому что самъ никогда не жилъ,—о чемъ и самъ говоритъ въ своей автобіографіи,—живою религіозною жизнью, въ общеніи съ единомысленно настроенными христіанами. По-

тому, даже и въ отношеніи къ этимъ формамъ религіозной жизни, онъ рѣзокъ, иногда до вульгарности, и несправедливъ—до жестокости. Въ католичествѣ онъ видитъ лишь искусственно гальванизируемый трупъ, мумію, а въ его богословіи — мертвый языкъ. Протестантизмъ же для него есть не болѣе, какъ могильщикъ, призванный исторіею для погребенія этого трупа: чтобы удостовѣриться, что католичество дѣйствительно мертво, могильщикъ отсѣкаетъ у него членъ за членомъ съ безжалостностью анатома, вслѣдствіе чего отъ католичества остаются будто бы лишь membra disjecta... Это, если угодно, картинно, но исторически невѣрно и даже, съ чисто эстетической точки зрѣнія, не изящно. И тѣмъ не менѣе православный богословъ, который въ своихъ исканіяхъ христіанства въ духѣ и истинѣ Христа, конечно, не можетъ увлекаться, ни схоластическимъ схематизмомъ католической догматики, ни столь же, можетъ быть, схематически-схоластическимъ, хотя уже и безъ догматовъ и въ другомъ направленіи, богословіемъ либеральнаго протестантства, — такой богословъ можетъ пройти много стадій объ руку съ суровымъ аналитикомъ, философомъ безсознательнаго. Даже и въ сочиненіяхъ, повидимому, столь страшныхъ уже по самымъ своимъ заголовкамъ, какъ «Саморазложеніе христіанства», «Кризисъ христіанства въ современномъ богословіи», онъ можетъ вычитать много полезнаго. Особенно, наприм., изъ послѣдняго сочиненія онъ можетъ убѣдиться, что, когда разрушено историческое зданіе церкви и на голомъ, плохо выровненномъ мѣстѣ начинаютъ создавать новую религію, то получается просто нѣчто жалкое и убогое; что, разъ вступили на путь критическаго просѣванія догматовъ, то это просѣваніе, какъ бы по инерціи, будетъ идти все впередъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока отъ догматовъ и догматики уже ничего не останется... Тогда ужъ, конечно, какъ и проэктировалъ Гартманъ, людямъ, томимымъ потребностью въ религіи, ничего не останется, какъ заказывать составленіе като-

хизисовъ философамъ, по желаніямъ и вкусамъ каждаго... Но это не религія, а суррогатъ религіи, совершенно лишенный духовной питательности.

Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, *метафизика* Гартмана невольно поражаетъ всякаго, кто вдумывается въ ея основы и конструкцію, своею идейною бѣдностью, бѣдностью иногда до убожества, какою-то совершенно поверхностною и вдобавокъ монотонною схематизаціею — до схоластицизма. Несмотря на то, что Гартманъ заимствуетъ изъ христіанско-теистическаго міросозерцанія совсѣмъ несвойственные началамъ его философіи термины, — твореніе, благодать, искупленіе, возрожденіе и т. д., — онъ никакъ не можетъ, что называется, свести концы съ концами. Наприм., онъ учитъ о пространственной и временной ограниченности міра. Но переходъ отъ домірнаго бытія къ міровому процессу и отъ міроваго процесса къ послѣміровому состоянію Безсознательнаго-Абсолютнаго въ его философіи закутанъ такимъ туманомъ словъ и образовъ, въ которомъ ничего разсмотрѣть нельзя. Именно здѣсь миѳологичность метода въ его «философскомъ романѣ», за которую не напрасно укоряли философа, проявляется во всей своей смущающей наготѣ и вмѣстѣ во всемъ своемъ безсиліи. Начало міра и міроваго процесса, — учитъ Гартманъ,— покоится на «иниціативѣ» Безсознательнаго, то-есть на абсолютно безпричинномъ и, потому, случайномъ, какъ бы капризномъ переходѣ слѣпой и безпредметной воли въ опредѣленное желаніе,—въ желаніе быть, проявиться,—а цѣль міроваго процесса заключается въ томъ, чтобы обуздать эту слѣпую волю съ ея ненасытною жаждою быть, чтобы ввести, такъ сказать, вогнать неразумно выступившую изъ себя волю снова въ ея первоначальное состояніе, въ состояніе безпредметной потенціальности, силою логической идеи, которая должна, такъ сказать, перехитрить волю и обнаружить абсолютную иллюзорность ея «иниціативы».. И вотъ эта хитропремудрая идея расщеп-

ляетъ единую въ себѣ волю на элементы,—атомы, силы, индивидумы, до сознательныхъ включительно,—чтобы они, въ своемъ противоборствѣ и взаимоистребленіи, поняли, наконецъ, что быть и жить вовсе не сладко и что лучше ужъ не быть... По картинному сравненію Гартмана, міровой процессъ есть какъ бы фонтанъ, горящій разноцвѣтными огнями реальности, который вздымается все выше и выше, пока, въ сознательныхъ существахъ, струя не преломится и не возвратится сама на себя: въ этомъ, замѣчаетъ философъ, дано уже начало конца, міроваго самоискупленія воли, «энтропіи» или «апокатастасиса»... Все это, говорю, очень картинно. Но вѣдь это именно «философскій романъ», какая-то ультра-фантастическая рапсодія, если только позволительно называть этимъ терминомъ то абстракто-громоздкое описаніе процесса, которымъ Гартманъ часто отпугиваетъ даже и людей, привыкшихъ ко всякимъ философскимъ экстравагантностямъ. Міровой процессъ, — говоритъ, наприм., Гартманъ, — покоится на возвышеніи алогичнаго чрезъ антилогичное къ логичному (телеологичному) и на связанной съ этимъ процессомъ реакціи логичнаго противъ антилогичнаго... Эта внутренно антилогичная природа или самопротиворѣчіе воли, которое влечетъ логичное къ раскрытію своего содержанія, чтобы снова возвратить или привести хотѣніе въ состояніе нехотѣнія, находитъ свое выраженіе въ энтропіи и приводитъ къ апокатастасису и т. д. Извольте-ка разобраться во всемъ этомъ! Поневолѣ вспомнишь, перечитывая подобныя и иногда даже еще болѣе громоздкія тирады, изрѣченіе древняго геніальнаго простеца философа, Сократа: «множество страшныхъ словъ путаетъ смыслъ смертныхъ»... Какъ далеко, въ сравненіи съ Гартманомъ, видѣлъ нашъ философъ, Вл. С. Соловьевъ, который все то, что Гартманъ относитъ къ «Безсознательному», считалъ мыслимымъ развѣ лишь въ примѣненіи ко «второму абсолюту» или міровой душѣ, а не къ первому, истинному и самосущему Божеству, свободному и сознательно-разумному!

Наконецъ, есть и еще одно, на что мнѣ хотѣлось бы теперь обратить ваше вниманіе. Истекшимъ лѣтомъ мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ Берлинъ какъ разъ въ то время, когда газеты говорили о смерти философа. Сообщалось о знакахъ вниманія къ нему со стороны «большой публики», прессы, ученыхъ корпорацій и, между прочимъ, Берлинскаго Философскаго Общества, посвятившаго Гартману спеціальное засѣданіе, на которомъ говорилъ рѣчь проф. Лассонъ, въ присутствіи семейства, родныхъ и знакомыхъ, — говорилъ «въ честь и память *отошедшаго въ вѣчность*» (Verewigten)... У меня невольно и какъ-то какъ бы самъ собою сложился вопросъ: что же собственно для этого великаго, «отошедшаго въ вѣчность»,—что для него эта «вѣчность»? Конечно, вещь не измѣняется въ своемъ реальномъ отношеніи къ намъ въ зависимости отъ того, какъ мы объ ней думаемъ и какъ ее себѣ воображаемъ. Такъ и для Гартмана «вѣчность» наступила,—независимо отъ того, какъ онъ объ ней думалъ и училъ, съ своей философской точки зрѣнія. Но тутъ другой вопросъ: не повергло ли реальное загробное откровеніе вѣчности, своею неожиданностію, философа въ то высшее «изумленіе», предвареніемъ котораго, лишь слабымъ намекомъ на которое служитъ изумленіе, свойственное философамъ, и являющееся подлиннымъ источникомъ и стимуломъ философіи? Поставлю вопросъ и еще иначе: не явилось ли для него это замогильное изумленіе реальнымъ обличеніемъ его, — все же въ основѣ своей, особенно именно въ этой области, пантеистическаго,— философствованія?.. О, я знаю, что при своей жизни, философъ, если бы ему предложить подобные вопросы, отклонилъ бы ихъ, съ своею обычною снисходительно-примирительною улыбкою, какъ лежащіе въ другой плоскости, сравнительно съ уровнемъ его міропониманія. Но вопросъ видимо его занималъ и даже смущалъ, — въ тайникахъ души. Всего за какихъ-нибудь два года (пожалуй, и того меньше!) онъ помѣстилъ, въ одномъ скромномъ періоди-

ческомъ изданіи, спеціальный трактатъ о смерти [1]), въ которомъ, съ своимъ обычнымъ пристрастіемъ къ рубрицистикѣ, разсматриваетъ вопросъ по излюбленнымъ схемамъ, съ точекъ зрѣнія: біологической, этической и телеологической. Въ этой статьѣ онъ доказываетъ, что смерть— особенно старческая—біологически вполнѣ естественна, а съ этико-телеологической точки зрѣнія имѣетъ свой, вполнѣ исчерпывающій это печальное, но неизбѣжное явленіе, смыслъ: въ интересахъ рода или, глубже, въ интересахъ достиженія искупительной цѣли міроваго процесса, путемъ совершенствованія всего живущаго, необходимо, чтобы старый, ставшій уже не воспріимчивымъ и не отзывчивымъ на окружающее, организмъ уступалъ свое мѣсто другимъ, которые, именно вслѣдствіе своей молодости и жизнеспособности, болѣе пригодны для подъема жизни на высшія ступени и слѣдовательно больше отвѣчаютъ конечнымъ, телеологическимъ цѣлямъ міроваго процесса... Значитъ, разъ организмъ состарѣлся,— онъ долженъ покорно принести эту послѣднюю жертву міровому цѣлому. И человѣкъ не долженъ составлять и не составляетъ исключенія. И для него, разъ онъ состарѣлся, участь та же и— «о жизни покончень вопросъ, больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ»... Какъ видимъ, все вышло, въ разъясненіи Гартмана, спокойно и какъ бы даже примирительно: смерть имѣетъ свой разумный смыслъ *и безъ предположенія загробнаго существованія,* для мысли о которомъ въ пантеистической системѣ, какъ извѣстно, нѣтъ мѣста. И тѣмъ не менѣе чувствуется, что подъ спокойною гладью этихъ раціональныхъ соображеній, этого «героическаго» отношенія къ смерти, въ душѣ философа идутъ какія-то другія, какъ бы подводныя теченія. Уже самый замыслъ написать статью такого рода весьма характеренъ: разъ понадобилось спеціальное оправданіе смысла смерти, то, очевидно, въ немъ была психологическая потребность,

[1]) *Der Tod* въ Türmerjahrbuch, 1904.

такъ какъ вѣдь всякое оправданіе есть уже косвенное свидѣтельство закравшагося сомнѣнія... И здѣсь мнѣ снова приходится повторить въ приложеніи къ Гартману строфу Тютчева, уже приведенную выше:

О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!..

Однако, время уже и кончить бесѣду, и я позволю себѣ присоединить къ сказанному еще лишь нѣсколько словъ.

Если уже и въ религіозной сферѣ, по слову Апостола (1 Кор. 11, 19), «надлежитъ быть *разномыслiямъ*», то есть проявленіямъ религіозно-творческаго своеобразія, «чтобы открылись искусные»,—то тѣмъ болѣе необходимы «разномыслія» въ свободной области человѣческой мысли. Вотъ почему, хотя, какъ я только что намѣтилъ, многое у Гартмана не можетъ не вызывать на критику и философскую оппозицію, особенно именно здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, гдѣ мысль воспитывается въ согласіи съ христіанскою истиною,—однако, я думаю, что академическое студенчество хорошо сдѣлало, посвятивъ памяти Гартмана спеціальный вечеръ. Во многомъ мы разойдемся съ Гартманомъ. Но длинныя стадіи въ области философскихъ исканій, какъ я сказалъ, мы все же можемъ сдѣлать объ руку съ нимъ и даже—скажу больше—подъ его руководствомъ. Ибо, въ концѣ концовъ, Гартманъ былъ философомъ-идеалистомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ повсюду искалъ идею, мистическое, божественное,—искалъ и находилъ даже и тамъ, гдѣ многіе, такъ называемые идеалисты, ее и не подозрѣваютъ. Въ низменномъ онъ видѣлъ слѣды и черты высокаго, именно какъ бы откровеніе Божественной Идеи и, разъ онъ ее находилъ, онъ прослѣживалъ ея дыханіе по всѣмъ сту-

пенямъ міросданія. Вотъ почему, часто тамъ, гдѣ мысль попадаетъ въ тиски механизма или матеріализма, Гартманъ способенъ изъ этихъ тисковъ ее высвободить. Особенно для философствующихъ теологовъ, во многихъ и очень многихъ пунктахъ, философія Гартмана можетъ быть чрезвычайно полезна, и многое въ ней можно использовать въ цѣляхъ философско-апологетическихъ. Но даже и тамъ, гдѣ мы, теологи по спеціальности, должны будемъ разойтись съ Гартманомъ, мы найдемъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, честнаго и умнаго противника. А, по ставшему классическимъ выраженію Ланге, прямолинейные отрицатели всегда лучше слабоголовыхъ путаниковъ...

Итакъ, еще разъ, академическое студенчество хорошо сдѣлало, что собралось теперь почтить память Гартмана. Но оно сдѣлало бы и еще лучше, если бы выдѣлило изъ своей среды, изъ числа людей, тяготѣющихъ къ философіи, такихъ, которые бы взяли на себя трудъ систематически и критически разработать отдѣльныя стороны Гартмановской философіи и представить ихъ на судъ «большой публики», въ качествѣ ученыхъ диссертацій. Дѣло это очень стоитъ того, чтобы посвятить ему, по крайней мѣрѣ, избытокъ академическихъ силъ: на поприщѣ научнаго труда нельзя намъ отставать...

